

УДК 130.2; 911.53:7.017.4

<https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-70-82>

Оригинальная научная статья

Цвета культурного ландшафта как элемент идентичности (на примере ландшафтов Евразийского Севера)

О. А. Лавренова

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия
 olgalavr@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию гипотезы о цветовой детерминации идентичности, согласно которой устойчивые хроматические доминанты природного ландшафта первичны по отношению к культурному цветовому коду и задают его базовую «цветовую матрицу». Используются теоретические и вторичные эмпирические материалы: исследования природных ландшафтов Евразийского Севера, данные о световом режиме высоких широт, альбедо снега, растительных аспектах (лишайники, мхи, морошка, пушица) и сезонной динамике цвета, а также результаты по традиционным культурам народов Севера и цветоассоциативные данные из социологических исследований территориальной идентичности. Работа носит теоретический характер и выполнена на стыке культурной географии, семиотики, антропологии, этнопсихологии и когнитивной культурологии цвета. Междисциплинарная методология включает онтологический, структурно-семиотический, когнитивно-культурологический, сравнительно-сопоставительный методы. Теоретическую рамку составляют концепция семиосферы Ю.М. Лотмана, идеи Р. Барта о знаковых системах, а также новая онтология цвета М. Чиримууты, трактующая цвет как способ взаимодействия человека с миром и подчеркивающая его коммуникативную природу. Ландшафт и его цветовая составляющая рассматриваются как «текст», обладающий собственной грамматикой и синтактикой, которые во многом имеют культурный генезис и на которых и строится его коммуникация с культурой. Особое внимание уделяется высокоширотным ландшафтам Евразийского Севера – тундре и лесотундре, где цветовой ритм определяется циркумполярной ахроматичностью и короткими интенсивными всплесками (летняя зелень, осенняя охра). Выделяется устойчивая природная триада (синий, зеленый, охристо-красный),

© Лавренова О. А., 2026

которая, в отличие от культурных триад, навязывается средой. Цветовая метаморфоза ландшафта (смена «белого», «зеленого» и «охряно-золотого» сезонов) модулирует коллективную идентичность, маркируя смену хозяйственных сезонов, социальных ролей и психологических состояний. В контексте новой онтологии холода и криософии геокриолога В.П. Мельникова белый цвет в высоких широтах обретает онтологическое измерение. По результатам исследования обоснована гипотеза цветовой детерминации идентичности, выявлена специфика колористики высоких широт, показана определяющая значимость белого в контексте новой онтологии холода и криософии. Цветовой код определяется как «сжатая семиотическая модель» ландшафта, выполняющая ориентирующую, социальную, сакральную и психологическую функции.

Ключевые слова: цветовой код культуры, культурная идентичность, территориальная идентичность, семиосфера, семиотика ландшафта, когнитивная культурология цвета, северные ландшафты, криософия, онтология цвета, Евразийский Север

Финансирование. Работа выполнена в рамках гранта РНФ «Когнитивная культурология цвета: разработка научных основ формирования колористики культурного ландшафта». Проект № 22-18-00407-П в Смоленском государственном университете

Для цитирования: Лавренова О.А. Цвета культурного ландшафта как элемент идентичности (на примере ландшафтов Евразийского Севера). *Арктика XXI век*. 2026;14(3):70–82. DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-70-82>

Original article

Colors of the cultural landscape as an element of identity (using the example of landscapes of the Eurasian North)

Olga A. Lavrenova

Smolensk State University, Smolensk, Russia

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia

 olgalavr@mail.ru

Abstract

The article examines the hypothesis of color determination of identity, according to which stable chromatic dominants of the natural landscape are primary in relation to the cultural color code and set the basic “color matrix”. The study draws on theoretical and secondary empirical materials: studies of natural landscapes of the Eurasian North, data on the light regime of high latitudes, snow albedo, plant aspects (lichens, mosses, cloddberry, cotton grass) and seasonal color dynamics, as well as

results from traditional cultures of the peoples of the North and color-associative data from sociological studies of territorial identity. The work is theoretical in nature and is conducted at the intersection of cultural geography, semiotics, anthropology, ethnopsychology, and cognitive cultural studies of color. An interdisciplinary methodology is employed, including ontological, structural-semiotic, cognitive-cultural, and comparative methods. The theoretical framework comprises Yu. Lotman's concept of the semiosphere, R. Barthes' ideas on sign systems, and M. Chirimuuta's new ontology of color, which interprets color as a mode of human interaction with the world and emphasizes its communicative nature. The landscape and its color component are considered as a "text" possessing its own grammar and syntactics, which largely have a cultural genesis and on which its communication with culture is built. Special attention is paid to the high-latitude landscapes of the Eurasian North – tundra and forest-tundra – where the color rhythm is determined by circumpolar achromaticity and short intense bursts (summer green, autumn ochre). A stable natural triad (blue, green, ochre-red) is identified, which, unlike cultural triads, is imposed by the environment. The color metamorphosis of the landscape (the alternation of "white", "green", and "ochre-golden" seasons) modulates collective identity, marking shifts in economic seasons, social roles, and psychological states. In the context of the new ontology of cold and the concept of cryosophy of geocryologist V.P. Melnikov, white color in high latitudes acquires an ontological dimension. Based on the results of the study, the hypothesis of color determination of identity is substantiated, the specificity of the coloristics of high latitudes is revealed, and the determining significance of white in the context of the new ontology of cold and cryosophy is shown. The color code is defined as a "compressed semiotic model" of the landscape, performing orienting, social, sacred, and psychological functions.

Keywords: cultural color code, cultural identity, territorial identity, semiosphere, landscape semiotics, cognitive cultural studies of color, northern landscapes, cryosophy, color ontology, the Eurasian North

For citation: Lavrenova O.A. Colors of the cultural landscape as an element of identity (using the example of landscapes of the Eurasian North). *Arctic XXI Century*. 2026;14(3):70–82 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.25587/3034-7378-2026-14-3-70-82>

Введение

Теория взаимодействия вмещающего ландшафта и ментальности культуры имеет многолетнюю историю и много вариантов, от полного отрицания такой взаимосвязи до географического детерминизма. Ни тот, ни другой вариант сейчас не рассматривается, но признается, что вопрос требует более глубоких как прикладных, так и теоретических исследований.

В данном случае это попытка осмыслить проблему скорее на уровне гипотез, но тем не менее привести их в систему, взяв за основу одно из свойств ландшафта – его колористику.

В основе понятия «цветового кода культуры» лежит представление о том, что цвет – это не только физическое явление, но и мощный семиотический инструмент. Как один из самых информативных кодов, вследствие своей визуальности, цветовые характеристики культурного ландшафта накапливают и передают социально-историческую и эмоциональную информацию. Здесь есть два аспекта – природный и рукотворный, первый является характеристикой того самого «вмещающего ландшафта», а второй – накапливается в историческом времени, меняется в ритме с историческими эпохами и идеологиями.

Теоретическую рамку для анализа этого явления задают концепции семиосферы Ю.М. Лотмана, где культура понимается как единое семиотическое пространство, и идеи Р. Барта, позволяющие рассматривать объекты внешнего мира и их свойства как сложную знаковую систему для передачи информации посредством символов и цветовых решений.

В контексте этого семиотического фрейма возникают гипотезы, которые интересно обсудить, в том числе на примере ландшафтов Евразийского Севера – наиболее контрастных и динамичных в годовом цикле.

Материалы и методы

Исследование опирается на совокупность теоретических и вторичных эмпирических материалов – на опубликованные работы, посвященные природным ландшафтам Севера Евразии; на сведения о световом режиме высоких широт, альбедо снега, растительных аспектах (лишайники, мхи, морошка, пушица) и сезонной динамике цвета; на результаты изучения традиционных культур народов Севера, а также на цветоассоциативные данные социологических исследований территориальной идентичности.

В данном исследовании использована комплексная междисциплинарная методология, органично сочетающая теоретические и эмпирические подходы. На теоретическом уровне используется структурно-семиотический метод, опирающийся на концепцию семиосферы Ю.М. Лотмана, позволяющую рассматривать ландшафт как текст, организованный по правилам собственной «грамматики», а также идеи Р. Барта о знаковых системах, в рамках которых цветовые характеристики объектов выступают носителями социально-исторической и эмоциональной информации. Для осмысления взаимодействия субъекта и цветовой среды привлекается новый онтологический подход М. Чиримуу-ты, трактующий цвет как способ отношения между человеком и миром,

что задает эпистемологическую рамку исследования. В эмпирической части работы применяются методы анализа цветоассоциативных данных, заимствованные из социологических исследований территориальной идентичности, что позволяет установить связь между колористикой ландшафта и коллективными смыслами. Такой синтез семиотических, культурно-географических, этнологических и когнитивных подходов позволяет не только предложить гипотезу о цветовой детерминации идентичности, но и эмпирически обосновать ее на материале конкретных ландшафтов и культурных традиций.

Оправдан ли «колористический детерминизм»?

Основная гипотеза данного исследования и скорее постановка вопроса, чем его решение – гипотеза о цветовой детерминации идентичности.

Механизмы территориальной идентичности изучаются давно и разносторонне [1; 2; 3], и большинство исследователей сходится во мнении, что идентичность связана с образами территории, имеющими исторический или современный «брендинговый» генезис. Для изучения собственно идентичности применяются в том числе цветоассоциативные тесты, с помощью которых происходит «гомогенный переход от цветовой сенсорики территорий» к личностным смыслам: «Респонденту предъявляется базовый список из 58 прилагательных, обозначающих цвета. Интервьюер задает инструкцию подобрать к каждой из предложенных в тексте территорий (отражающих структуру территориальной идентичности) подходящее цветовое название. Выбранные названия цветов могут повторяться. В случае возникновения вопросов интервьюер разъясняет, что цвета должны подбираться в соответствии с существенными свойствами территориальной общности, а не по ее внешним случайным признакам (окраске на географической карте и т. п.)» [4].

Однако собственно роль колористики природного и культурного ландшафтов в формировании идентичности не изучалась, хотя, казалось бы, идея лежит на поверхности. Тем не менее существуют базовые цветовые характеристики основных природных зон и их региональная специфика (обусловленная преобладанием некоторых видов растений, выходов скальных пород, колористическими особенностями местных поселений и т. п.). Это то, что дано каждому человеку в его непосредственном опыте на этапе раннего формирования личности, поэтому можно предположить, что цветовой код природного и культурного ландшафта, воспринимаемый изнутри, выступает первичным по отношению к культурному цветовому коду. Устойчивые хроматические доминанты среды (например, циркумполярная ахроматичность, сезонные всплески цветов) задают базовую «матрицу», которая затем проецируется

на материальную культуру, мифологию и социальные практики этноса. И цвета ландшафта можно рассматривать не только как характеристику среды, но и как фундаментальный семиотический ресурс, участвующий в конструировании идентичности.

Хроматическая онтология и метаязык описания колористики культурного ландшафта [5, с. 42] включают в себя как базовое понятие концепцию «цветовой когниции», которая понимается как «система культурно-обусловленных ментальных (познавательных) процессов, инициируемых восприятием цвета, его категоризацией, соотносением с другими категориальными структурами и аффективными маркерами, хранящимися в памяти, и последующей вербальной и невербальной коммуникацией...» [Там же, с. 43].

Новая онтология цвета предлагается питтсбургским философом Масвитой Чиримуутой. «Цвет не находится ни в физическом мире, ни в сознании воспринимающего. Он реален, но только как свойство отношений между человеком и воспринимаемым им миром. <...> ...Цвет – это способ, которым мы воспринимаем сами вещи, и это восприятие интегрировано в более широкий перцептивный гештальт» [6, цит. по: 5, с. 49–50]. Цвет – не характеристика объекта, а процесс, и человек вовлечен в этот процесс как субъект. Соответственно, колористические характеристики ландшафта можно рассматривать как такое взаимодействие между человеком и миром, имеющее свои особенности и влияющее на идентичность.

Согласно концепции семиосферы Ю.М. Лотмана, ландшафт представляется как «текст», написанный на естественном языке природы и «дооформленный» культурой, который постоянно «считывается» и интерпретируется локальным сообществом. Культурный ландшафт представляет собой сложную знаковую систему, в которой участвуют как объекты, так и их свойства, в том числе и цветовые. И все эти элементы связаны между собой, образуя систему, организованную по определенным правилам и обладающую своеобразной грамматикой [7; 8]. Соответственно, такая грамматика как способ видения и понимания ландшафта особенно свойственна цветовым характеристикам определенной природной зоны и региона; в данном случае мы больше сосредоточимся на тундровой и лесотундровой зонах Евразийского Севера.

В случае городских ландшафтов цветовые коды создаются культурой в исторической и идеологической перспективе. Однако и цветовая палитра природного ландшафта в его сезонности (белое безмолвие зимы, зеленая плоть тайги, охристо-красные оттенки тундры в сентябре) выступает не фоном, а активным смыслопорождающим механизмом.

В этом контексте колористические характеристики становятся одним из ключевых элементов идентичности: через них фиксируется отношение «свое – чужое», «сакральное – профанное», «свое – природное».

«Все народы различают “черное” и “белое”, или “тьму” и “свет”. Эти цвета повсюду отмечены мощными символическими ассоциациями: из всех хроматических цветов один лишь красный столько же значим» [9, с. 80]. Если говорить о структуризации понятий цвета в ментальности культуры, то, по мнению некоторых исследователей, исторически сначала появляются обозначения для черного и темных цветов, потом – для белого, затем – для красного и других охристых цветов, и лишь на более поздних этапах – для зеленого, синего и коричневого [10].

Колористика высоких широт и идентичность

В отличие от умеренных широт, где цветовой ландшафтный код строится на смене четырех равнозначных контрастных сезонов, для тундры и лесотундры характерны свои цветовые доминанты. Во-первых, это циркумполярная ахроматичность – длительное доминирование белого (снег, лед, туманы) и темно-серого (скалы, хвойные леса зимой, вода в непогоду) с короткими, но чрезвычайно интенсивными цветовыми всплесками (полярное лето, осеннее «золото» тундры). Во-вторых, это устойчивая триада природных цветов: синий (небо, вода, лед), зеленый (хвоя, мхи, карликовые кустарники) и охристо-красный (осенние листья карликовой березы). Эта триада, в отличие от «культурной» триады «красный-желтый-синий» или «белый-черный-красный», навязывается средой. Кроме того, можно говорить и о контрастности как идентификаторе. В условиях низкого видового разнообразия и кажущейся монохромности северных ландшафтов именно цветовые контрасты (например, красные ягоды на белом мху, темные лиственницы на бледном небе) приобретают гипертрофированное значение для различения «своего» и «чужого» пространства. Эти контрасты работают как визуальные «маяки», организующие навигацию, память и территориальную идентичность.

В циркумполярной зоне в период полярной ночи белый (снег) и черный (небо) цвета взаимно дополняют друг друга. Цветовая метаморфоза ландшафта (смена «белого», «зеленого» и «охряно-золотого» сезонов) не просто маркирует хозяйственный календарь, но непосредственно модулирует коллективную идентичность, активируя различные ее слои – гендерные, возрастные, ритуальные, профессиональные. Сезонный цвет выступает сопроводителем сезонных хозяйственных и культурных практик и социальным переключателем.

Важным элементом цветовых характеристик ландшафта является солнечный свет, а также рассеянный (диффузионный) свет неба и

отраженный от поверхности свет [11; 5]. В солнечные дни солнечный свет резок из-за чистоты воздуха и холоден из-за низкого положения солнца над горизонтом, характерного для высоких широт. Это дополняется высокой отражательной способностью снега, из-за которой страдают глаза и требуются специальные очки для их защиты (в древности – костяные очки со щелью).

В высоких широтах семантика и онтология белого цвета выводят нас на онтологию холода, развиваемую геофизиологом В.М. Мельниковым. «Сейчас Север с периферии мира начинает внедряться в базовые структуры семиосферы как таковой, опять же, именно в ее геокультурном дискурсе. В частности, сегодня в социокультурном дискурсе формируется концепция криософии, онтологии холодной материи. Криосфера является определяющим фактором в формировании культур коренных народов Севера, их образа мира, и, соответственно, структурной основой культурных ландшафтов и геокультур. Снег и вечная мерзлота формируют онтологическую вертикаль, верх и низ циркумполярного мира» [12]. Соответственно, белый становится одной из главных цветовых доминант.

«Под воздействием эталона света в структуре культурного ландшафта формируется фоновый цвет. Основными источниками фонового цвета являются небо, земля, водоемы и растительность...» [5, с. 81]. В высоких широтах следует добавить еще и специфический тип растительности, например, лишайники, которые имеют помимо особого цвета еще и уникальную фактуру поверхности. Цветовые сочетания в определенные периоды – лишайники, мох, морошка, пушица (бледно-зеленый, оранжевый, белый) – то, что в геоботанике обозначается термином «аспект». Он формируется на основе окраски наиболее заметных в данный период видов растений и в зависимости от их фенологических фаз: цветение, плодоношение, изменение цвета листвы и пр.

Эти аспекты образуют устойчивую систему, которая в каждом конкретном ландшафте имеет свои собственные правила следования друг за другом.

Не менее важной является светотень в природном и культурном ландшафте как закономерность и система. «...Мы получаем возможность наблюдать постоянные изменения цвета не только во времени, но и в пространстве. <...> Воспринимая цвет в трехмерном пространстве, мы видим целый ряд эффектов, которые в двухмерной плоскости можно передать лишь условно» [5, с. 38]. Колебание травы, блеск воды и камня, низкое солнце, которое не прячется за горизонт, длина, четкость и насыщенность теней – все это складывается в единый неделимый цвето-пространственный комплекс.

И можно предположить, что эта цветовая система и есть грамматика и синтактика естественного языка природы. «Если семантика цвета занимается его значениями, то синтактика имеет дело с организацией значимого размещения цветов, с их взаимными связями в некотором цветовом тексте, а также с их помещением в некий пространственный и переменный контекст. Цветовые тексты представляют собой объединения цветов в некое обозримое целое, организованное по определенным правилам в плане выражения и имеющее в плане содержания новые смыслы, не сводимые к значениям составляющих его цветовых единиц» [13, с. 191].

Культурологи и этнологи выделяют ландшафты – «культурные коды» и «символы-мотивации» – «это, как правило, ландшафтные знаки этнической целостности, воспринятой в виде судьбы этноса» [14, с. 77]. Обычно как «символы-мотивации» выделяют конкретные географические объекты и местности, связанные с наиболее значимыми событиями в истории культуры. Однако в случае цветовых характеристик не уникальные, а именно наиболее типичные для данной территории ландшафты будут выступать в качестве культурных кодов. Для русской культуры таким ландшафтом является типичный березовый лес, причем березовый лес летом – сочетание белых стволов и ярко-зеленой зелени. Для коренных народов Севера, например, для хантов, если судить по творчеству известного художника Геннадия Райшева, один из таких ландшафтов-символов – аспект плодоносящей оранжевой морошки на бледно-зеленом полотне мхов и лишайников.

Формирование эстетических предпочтений, пространственных представлений оказывает влияние на интерпретацию и оценку других культурных ландшафтов [15], на формирование семиотической системы цветов-символов в культуре на разных уровнях – от бытового до сакрального.

Соответственно, с основной гипотезой данного исследования коррелирует гипотеза о связи колористики вмещающего ландшафта и сакральной функции цвета. Цветовые характеристики природных объектов (белый снег, синий лед, зеленая тайга, охристый ягель) в северных традиционных культурах обладают устойчивым сакральным значением, выходящим за рамки визуального восприятия: они формируют «эмоциональный ландшафт», в котором страх, благоговение, ностальгия и чувство защищенности привязаны к конкретным цветовым стимулам. Цвет выступает мостом между материальным и мифологическим мирами, в какой-то мере отражаясь в национальном костюме. Например, у коренных народов Тюменского Севера «орнаментальные вставки красного и синего цвета по белому фону представлены в виде квадратов и крестов,

что символизирует богатство земельных ресурсов (лесов) и жизненную силу (ягоды)» [16, с. 243].

Анализ доминирующих цветов в культурах народов Европейского Севера – саамов, коми и поморов – выявляет, что для всех этих культур характерна устойчивая триада: красный, желтый и синий [17]. В культурах, сформированных в условиях высоких широт, эта универсальная цветовая триада, во-первых, воспроизводит природную триаду (синий – зеленый – охристо-красный), а во-вторых, выполняет функцию базового семиотического каркаса, организующего космологические, социальные и психологические смыслы. При этом черно-белая оппозиция, доминирующая в умеренных культурах, здесь уступает место триадичной структуре.

Благодаря такому подходу традиционный костюм предстает не как музейный артефакт, а как «текст», фиксирующий информацию об историческом пути народа, его нравственно-эстетических ценностях и художественном видении мира [18, 19].

Заключение

Итак, как можно подытожить все высказанные здесь «грозди смыслов», связанные с изначальной гипотезой?

Цвет ландшафта – и фон, и не фон, и свойство среды, и способ взаимодействия с ней, и текст, обладающий собственной грамматикой. Ландшафт читается через цвет, и это чтение организует восприятие пространства и времени.

Северная идентичность формируется множеством факторов, в том числе цветовыми сочетаниями и цветовым контрастом, освещением и спецификой растительных аспектов. В традиционных культурах Евразийского Севера цветовой код выполняет одновременно ориентирующую, социальную, сакральную и психологическую функции, что делает его ключевым механизмом трансляции культурного опыта. Очень важен для высоких широт белый цвет; семантика и прагматика белого связаны с онтологией холода и криософией.

Цветовой код – это «сжатая семиотическая модель» ландшафта. Через ограниченный набор цветов народы Севера создают базовые концепты мироустройства, сохраняя и транслируя их в орнаменте, костюме, ритуале.

Литература

1. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования. *Социологические исследования*. 1998;(4):94–98.

2. Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России. *Социологические исследования*. 2005;(3):13–23.
3. Чернявская О.С. Осмысление понятия территориальной идентичности. *Вестник ВятГУ*. 2011;(4):70–76.
4. Замятина Н.Ю. Территориальные идентичности и социальные структуры. *Общественные науки и современность*. 2012;(5):151–163.
5. Грибер Ю.А., Лавренова О.А. *Когнитивная культурология цвета: научные основы колористики культурного ландшафта*. Москва: Согласие. 2024.
6. Chirimuuta M. *Outside Color: Perceptual Science and the Puzzle of Color in Philosophy*. Cambridge: The MIT Press. 2015. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262029087.001.0001>
7. Draschkow D., Vö M.L.-H. Scene grammar shapes the way we interact with object, straightens memories, and speeds search. *Scientific Reports*. 2017;7(16471). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-16739-x> (на англ).
8. Lavrenova O. Spaces and meanings: semantics of the cultural landscape. *NAHP*. 2019;(8):1–9. Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-15168-3_1 (на англ).
9. Туан И-Фу. *Топофилия. Исследование окружающей среды. Восприятие, отношение и ценности*. Москва: НЛЮ. 2026.
10. Berlin B., Kay P. *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkely; Los Angeles: University of California Press. 1969 (на англ).
11. Петров В.М. *Количественные методы в искусствознании. Выпуск 1. Пространство и время художественного мира*. Москва: Смысл. 2000.
12. Lavrenova O., Zamyatin D., Romanova E. Paysages culturels de l'Arctique. Inversion de l'axe axiologique du monde occidental. *Géocultures. Méthodologies russes sur l'Arctique*. Montréal: Imaginaire Nord, coll. «Isberg». 2020:85–100 (на франц.).
13. Чертов Л.Ф. *Знаковая призма: Статьи по общей и пространственной семиотике*. Москва: Языки славянской культуры. 2014.
14. Чеснов Я.В. *Лекции по исторической этнологии*. Москва: Гардарика. 1998.
15. Castelliano M.S., Williams C.C. *Elements of scene perception*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021 (на англ).
16. Бакиева О.А. Попова О.А. Цвет в искусстве традиционного костюма коренных малочисленных народов Тюменского Севера (на примере анализа музейных экспонатов). *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2022;(46):237–249. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/46/20>
17. Бакиева О.А. Цветовые коды в традиционном женском костюме у коренных народов Севера. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2020;(39):226–240.

18. Фролова А.В. Праздничная одежда северян Архангельской губернии в начале XX века (по материалам Пинежского уезда). *Одежда русского народа*. М.: Наука, 2011.

19. *Сарафан да кафтан: Традиционный костюм коми народа* / сост. Н.Н. Прикуль, М.А. Першина. Сыктывкар. 2008.

References

1. Shmatko NA, Kachanov YuL. Territorial identity as a subject of sociological research. *Sociological research*. 1998;(4):94–98 (in Russian).

2. Krylov MP. Regional identity in the historical core of European Russia. *Sociological research*. 2005;(3):13–23 (in Russian).

3. Chernyavskaya OS. Understanding the concept of territorial identity. *Bulletin of Vyatka State University*. 2011;(4):70–76 (in Russian).

4. Zamyatina NY. Territorial identities and social structures. *Social Sciences and modernity*. 2012;(5):151–163 (in Russian).

5. Griber YuA, Lavrenova OA. *Cognitive cultural studies of color: scientific foundations of the coloristics of the cultural landscape*. Moscow: Consent. 2024 (in Russian).

6. Chirimuuta M. *Outside color: perceptual science and the puzzle of color in Philosophy*. Cambridge: The MIT Press. 2015. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262029087.001.0001>

7. Draschkow D, Võ ML.-H. Scene grammar shapes the way we interact with object, straightens memories, and speeds search. *Scientific Reports*. 2017;7(16471). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41598-017-16739-x>

8 Lavrenova O. Spaces and meanings: semantics of the cultural landscape. *NAHP*. 2019;(8):1–9. Springer. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-15168-3_1

9. Tuan Yi-Fu. *Topophilia. A study of environmental perception, attitudes, and values*. Moscow: UFO. 2026 (in Russian).

10. Berlin B, Kay P. *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkely and Los Angeles: University of California Press. 1969.

11. Petrov VM. *Quantitative methods in art studies. Space and time of the artistic world*. Moscow: Smysl. 2000 (in Russian).

12. Lavrenova O, Zamyatin D, Romanova E. Paysages culturels de l'Arctique. Inversion de l'axe axiologique du monde occidental. *Géocultures. Méthodologies russes sur l'Arctique*. Montréal: Imaginaire Nord, Isberg. 2020 (in French).

13. Chertov LF. *Iconic prism: Articles on general and spatial semiotics*. Moscow: Languages of Slavic culture. 2014 (in Russian).

14. Chesnov YaV. *Lectures on historical ethnology*. Moscow: Gardarica. 1998 (in Russian).

15. Castelliano MS, Williams CC. *Elements of scene perception*. Cambridge: Cambridge University Press. 2021.

16. Bakieva OA, Popova OA. Color in the art of traditional costume of indigenous small-numbered peoples of the Tyumen North (on the example of an analysis of museum exhibits). *Bulletin of the State Tomsk University. Cultural studies and art criticism*. 2022;(46):237–249. DOI: <https://doi.org/10.17223/22220836/46/20> (in Russian).

17. Bakieva OA. Color codes in the traditional women's costume of the indigenous peoples of the North. *Bulletin of the State Tomsk University. Cultural studies and art criticism*. 2020;(39):226–240 (in Russian).

18. Frolova AV. Festive clothes of the Northerners of the Arkhangelsk province in the early twentieth century (based on the materials of the Pinezhsky district). *Clothing of the Russian people*. Moscow: Nauka. 2011 (in Russian).

19. *Sarafan and caftan: The traditional costume of the Komi people* / comp. NN. Prikul, MA. Pershina. Syktyvkar. 2008 (in Russian).

Об авторе

ЛАВРЕНОВА Ольга Александровна – кандидат географических наук, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4916-0622>, WoS ResearcherID: AAK-6407-2020, Scopus Author ID: 6506923897, Elibrary AuthorID: 103643, SPIN: 7552-0223, e-mail: olgalavr@mail.ru

About the author

Olga A. LAVRENOVA – Cand. Sci. (Geography), Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, Smolensk State University, Smolensk, Russia, Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4916-0622>, WoS ResearcherID: AAK-6407-2020, Scopus Author ID: 6506923897, Elibrary AuthorID: 103643, SPIN: 7552-0223, e-mail: olgalavr@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 02.06.2026

Поступила после рецензирования / Revised 24.08.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026